

Гражданин архитектуры

Известия, 2001, 22 янв. - с. 8

Музей имени Щусева открыл выставку к столетию Андрея Бурова

Серия юбилейных выставок архитекторов — ровесников XX века рассказывает не только об их творческой, но и личной биографии, дает варианты ответа на вопрос, что делать профессионалу в условиях, когда архитектура подчинена власти.

Ольга КАБАНОВА

В архитектурной среде существует культ Андрея Бурова. Конечно, не у молодежи — у нее другие, современные западные кумиры, а среди старшего поколения, особенно потомственных архитекторов. О Буrove знавшие его рассказывают с каким-то особым, радостным и гордым восхищением — как он был красив и обожаем женщинами, неизменно остроумен и эlegantен, как свободен в суждениях о профессии, спокойно и точно ставя оценки не только современникам, но и признанным историей гениям и шедеврам мировой архитектуры. «Доведение до гигантских размеров нормального фасада трехэтажной виллы, допущенное при постройке храма Петра в Риме или при уменьшении темы ордера в Темплетто Браманте, оказывается абсурдным как по отношению к пространству, так и по отношению к человеку,» — подобных утверждений в его книге множество. Своим внешним видом и манерой поведения Буров утверждал, что архитектор — творческая, а не сервильная профессия.

Он был потрясающе и многогранно одарен. Сын морского архитектора и правнук прославленного русского адмирала (это род-

ство — предмет особой гордости), Буров занимался не только архитектурной практикой и теорией, преподавал, писал книги, разрабатывал новые облегченные строительные материалы («нужно противопоставлять тяжесть прочности, а не совмещать эти два понятия»), но и технической физикой, влиянием ультразвука на раковые опухоли.

Карьера его началась блестяще. После окончания Вхутемаса (мастерская А. Веснина) Буров был премирован поездкой за границу, где набрался новых идей, — в тот период советская архитектура была обращена только в будущее. Потом проектировал дома и электростанции, рабочие клубы, несколько павильонов на Всероссийской выставке. В начале тридцатых годов разработал проект Тракторного завода в Челябинске, ради этого был командирован в Америку изучать заводы Детройта. После аспирантуры отправлен в Европу, изучать памятники мировой культуры, — сталинский историзм тогда набирал силу, советская архитектура повернулась к далекому прошлому. В качестве художника-постановщика работал с Эйзенштейном над фильмом «Старое и новое» — воплощал представления о новой советской деревне. Строил ее как настоящий конструктор, советовался с при-

ехавшим в СССР Ле Корбюзье. С ним Буров переписывался многие годы и всю жизнь пропагандировал идеи Корбюзье, считая их гуманными и соответствующими времени.

Жилой дом — любимая буrowsкая тема. «С жилища начинается архитектура, с жилища начинается город. Это плохо, что лучшими произведениями советской архитектуры не стал жилой дом, жильё, а признаны: метро, Сельскохозяйственная выставка, выставки в Париже и Нью-Йорке, раньше еще — канал Москва—Волга. Метро и канал — инженерия. Париж и Нью-Йорк — плакаты». Жильё дома, построенные по проектам Бурова на улице Горького и Ленинградском проспекте (особенно хорош с белым кружевным декором, прозванный москвичами ажурным), — редкий пример удобного и продуманного дома в сталинской архитектуре, внимательной только к фасадам. Образцом умного переосмысления классики остается и прекрасная по своим пропорциям и цвету пристройка к московскому Дому архитектора.

Буров, умерший в 1957 году, успел только начать работу по разработке методов индустриального строительства жилья. Участвуя в проектировании серий крупноблочных жилых домов, он скрупулезно продумывал конструкцию, планировку, масштаб, искал способы придать домам индивидуальный облик «жизнерадостного лиризма».

Андрей Буров, ярчайший и умнейший человек, жил в мрачный период советской истории. Он отлично понимал сущность и особенности своего времени, не востребованного всех его знаний и талантов, игнорировавшего естественные законы развития архитектуры, которые он всю жизнь изучал, глубоко понимал и неустанно формулировал. Эти формулировки актуальны и по сей день, достаточно равнодушный к разумным профессиональным правилам и подлинным потребностям времени и людей. Жильё отечественная архитектура не может гордиться и по сей день. Больше того, она к этому и не стремится, по-прежнему предпочитая «плакаты», только другого содержания.

На выставке Бурова есть одна работа, которая лишь на поверхностный взгляд кажется примером кичевого сталинского монументализма, — конкурсный проект «Храма славы» в Сталинграде. Гигантская стальная пирамида, материал для которой должны были дать перелитые военные трофеи, повторяющийся мотив в ее декоративном орнаменте — вытянутая рука с автоматом. Внутри сооружения — могла неизвестного солдата. Получилась египетская пирамида, идеологически вывернутая наизнанку, гробница не фараона, а миллионов безвестных людей, погибших с оружием в руках. Большого трагизма в проектах советских мемориалов я не встречала.

Андрей Буров